

В. С. СОЛОВЬЕВ

Догматическое развитие Церкви в связи с вопросом о соединении Церквей

<Фрагменты>

ГЛАВА IV

<...> Что восстановление церковного единства между Западом и Востоком в высшей степени желательно для России и славянства, — спорить против этого людям сколько-нибудь религиозным крайне трудно и неудобно. Поэтому мои почтенные противники поступают весьма правильно, когда оставляют в стороне вопрос о желательности церковного соединения и напирают лишь на *невозможность* такого соединения. «Между Православною Церковью и Католическою не может состояться никакого соединения, потому что католичество есть заведомая ересь и ложь. С ересью и ложью никакого соединения, никакого соглашения, никакой сделки допущено быть не может». Против этого последнего положения никто не спорил и не спорит. Соглашения с ересью, сделки с ложью, насколько мне известно, никто не предлагал. Все дело значит в том, насколько основательно утверждение, что католичество должно быть *заранее*, без следствия и суда, обвинено нами как ересь и ложь. На этом утверждении особенно настаивал Н. Я. Данилевский*.

Все исповедующие православную веру должны в догматических вопросах беспрекословно принимать решения Вселенских соборов (каковых наша Церковь признает семь). Поэтому когда мне говорят о католиках, что они еретики, отлученные от Вселенской Церкви по догматическим причинам, то я в таком лишь случае этому поверю, если мне укажут, *каким* постановлением Вселенской Церкви на *каком* Вселенском соборе осуждены и отлучены католики. Я говорю здесь

* Н. Я. Данилевский напечатал одну обширную статью под заглавием «Г. Владимир Соловьев о католицизме и православии» в февральском и мартовском номерах «Известий Славянского Общества» в Петербурге за 1885 г. — Настоящая моя статья была почти готова к печати, когда пришло прискорбное известие о кончине Н. Я. Данилевского, от которого я еще много ожидал для уяснения нашего вопроса.

не о формальном только отлучении. Я знаю, что, например, протестанты, появившиеся через много времени после Седьмого Вселенского собора, тем не менее действительно отлучены или, лучше сказать, сами себя отлучили от Вселенской Церкви, потому что они не только прямо восстали против известных соборных догматов, но и вовсе отвергли самый авторитет Вселенских соборов. Но что касается до католиков, то они ни одного Вселенского собора не отвергли, а следовательно, ни одним и не отвергнуты. Но, говорят, они еретики, потому что исповедуют *filioque* и непогрешительность папского авторитета. Охотно готов *заранее допустить*, что они в этом заблуждаются. Но мне необходимо *наверное знать*, впадают ли они при этом в ересь, осужденную Вселенскою Церковью. Мне указывают на Второй Вселенский собор, но из церковной истории известно, что Второй Вселенский собор осудил пневматомахов (духоборцев), отвергавших божество Духа Св., *ставивших Его в исключительную зависимость от Сына*, отрицавших исхождение Его от Отца. Против них-то Константинопольский собор и утвердил, что Дух Св. исходит от Отца, что Он не есть подчиненное существо, а есть лицо божественное, сопоклоняемое и сославимое со Отцем и Сыном. Этому Собору необходимо было определительным образом выставить именно истину исхождения Духа Св. *от Отца*, ибо именно *эта* истина отрицалась еретиками. Так как католики божество Духа Св. признают вполне, исхождения Его от Отца не отвергают, в исключительную зависимость от Сына Его не ставят и, одним словом, ничего общего с пневматомахами не имеют, то ссылаться против них на Второй Вселенский собор нет никакого основания. Но, говорят, они заблуждаются, принимая *filioque*, которого нет в Символе этого собора. Положим, что заблуждаются. Но для того чтобы признать это их заблуждение за *несомненную ересь*, необходимо прямое догматическое постановление Вселенской Церкви, осуждающее именно *это* их мнение об исхождении Св. Духа; определение же Константинопольского собора, выраженное в восьмом члене его Символа, во всяком случае недостаточно для осуждения католиков, ибо оно направлено в другую сторону, против другого заблуждения, не имеющего ничего общего с учением Католической Церкви.

Но, говорят, католики прибавили слово *filioque* к Символу, а всякая такая прибавка заранее осуждена Вселенскими соборами еще в V веке. На самом деле нам известны соборные запрещения изменять *никейскую веру* и слагать *другой Символ*. Но откуда же видно, что под этим следует разуметь буквальную неприкосновенность *Никео-Константинопольского* символа? Когда дело идет о пятом веке, то мы не имеем даже права вообще говорить о *Никео-Константинопольском* символе; ибо в то время (в эпоху третьего и четвертого Вселенских

соборов) Символ Первого Вселенского собора (Никейский) не был еще так сказать поглощен Символом Второго (Константинопольским), а употреблялся самостоятельно, наряду с этим последним, так что было два отдельных символа — Никейский и Константинопольский, из коих второму вовсе не было усвоено какое-либо исключительное значение в Церкви. Напротив того, еще долгое время первый (Никейский) Символ признавался по преимуществу всецерковным изложением православного исповедания, откуда и самое выражение «никейская вера». На Третьем Вселенском соборе в Ефесе Символ Константинопольский, хотя существовал уже пятьдесят лет, вовсе не был читан: собор нашел достаточным подтвердить один Никейский символ. На Четвертом Вселенском соборе в Халкидоне наш Константинопольский символ был читан и подтвержден в ряду других вероучительных документов вслед за символом Никейским. При этом халкидонские отцы отдают явное предпочтение первоначальному Никейскому символу и не без оговорок допускают Символ Второго собора занять место рядом с Символом первого. В догматическом определении (όρος) халкидонских отцов, после общего постановления хранить все православные определения и изложения веры, они заявляют, что всем этим исповеданиям *предблистает* изложение правой и непорочной веры 318 святых и блаженных отцов в Никее при императоре Константине Великом собравшихся; имеют же силу и определения 150 св. отцов в Константинополе. Зачем читается самый Никейский символ, а после него Константинопольский. За сим отцы собора замечают, что этого было бы достаточно для познания и утверждения благочестия, но что вследствие возникших ересей нужно заградить уста несчастью. А потому собор определяет прежде всего, что вера 318 святых отцов остается неприкосновенною, а также утверждает и переданное через 150 отцов в Константинополе учение о *существовании Духа*. При этом Халкидонский собор, еще раз настаивая на непреложности первоначального Никейского символа, замечает, что константинопольские отцы обнародовали это свое учение (т. е. новый Символ) не для замещения прежнего как недостаточного, а для того, чтобы пояснить писаниями свою мысль о Духе Святом против дерзающих отвергать Его господственное значение. Затем против Несториева нечестия наш собор принимает и утверждает послание Кирилла, а против нового заблуждения Евтихиева достойно сопрягает с прежними изложениями веры послание папы Льва как сходящееся с исповеданием великого Петра и составляющее некий общий столп против зломыслящих. Затем излагаются извлеченные из этого послания определения православного учения о едином Христе, пребывающем *в двух* природах. И уже после всего этого Собор произносит

запрещение и анафему на всякого, кто стал бы слагать другую веру или предлагать другой Символ обращающимся к христианству.

Пусть судит сам читатель, можно ли это запрещение в том виде и в той связи, как оно читается в соборных деяниях, относить к буквальной неприкосновенности Символа и именно Символа Константинопольского. Для нас же вполне несомненно, что запрещение предлагать может здесь относиться лишь к такому новому изложению веры, которое было бы несогласно с тем, что принято и утверждено на том же Халкидонском соборе, а принято и утверждено на нем целых четыре догматические документа, между прочим, и Символ Константинопольский. Если б именно *этот* Символ имели в виду халкидонские отцы, то они, конечно, сделали бы какое-нибудь указание на его особое значение в ряду прочих изложений веры. Вместо этого мы находим, что из четырех догматических документов, утвержденных на Халкидонском соборе, отцы этого Собора приписывают некоторое особое значение никак не Константинопольскому символу, а первоначальному и основоположному символу Никейскому, с одной стороны, и посланию папы Льва — с другой, как последнему в их время изложению православной веры, или, по их собственному выражению, — как общему столпу против зломыслящих. Во всяком случае о буквальной неприкосновенности Константинопольского символа халкидонские отцы не говорили ни слова, а с другой стороны, как мы сейчас увидим, западные христиане, употреблявшие Константинопольский символ с *filioque*, вовсе не имели при этом в виду *слагать другой Символ*. Впрочем, как бы кто ни понимал запрещение Халкидонского собора, оно во всяком случае есть *дисциплинарное*, а не догматическое постановление. Дисциплинарные же узаконения, хотя бы и сопровождаемые анафемой, имеют безусловно обязательную силу лишь в тех обстоятельствах времени и места, в которых они постановлены. Так, например, отцы Седьмого Вселенского собора запретили под страхом анафемы всякое участие светской власти в назначении епископов на те или другие кафедры. Неужели и это запрещение имеет обязательную силу для всех мест и времен и все нарушители его подлежат анафеме?

ГЛАВА V

Если в деяниях Вселенских соборов мы не найдем никакого суждения Церкви, прямо и заранее поражающего анафемой известное прибавление в Константинопольском символе (*filioque*), то ближайшее знакомство с относящимися до нашего предмета деяниями местных соборов VI и VII веков заставит нас усомниться в самом факте упомянутого *прибавления*. Ни малейших следов и признаков *намеренной*

вставки — filioque мы в испанских церковных памятниках не находим. Вставка или прибавление предполагает *установившейся текст*, к которому делается прибавление. Но именно такого текста в данном случае и не было. Латинский перевод Константинопольского символа изначально является нам в испанской Церкви с многочисленными разностями против настоящего его чтения. В актах знаменитого Толедского собора (третьего) в 589 году, в которых дважды приводится наш Символ, я насчитал в нем помимо filioque *до двенадцати* разночтений. Самая важная и притом самая *постоянная* в разных списках разного времени особенность этого испанского Символа есть filioque. Таким образом, это слово нельзя считать ни за один из *случайных* вариантов в Символе, ни за намеренную вставку *позднейшего времени*. Все заставляет предположить, что в испанской Церкви изначально утвердилось чтение Константинопольского символа с filioque в связи с самою мыслью об исхождении Духа Св. от Отца и Сына. Но при этом важно то обстоятельство, что этот Символ с filioque (и другими разностями) считался в Испании за настоящий и непреложный символ Константинопольского Вселенского собора и самое учение об обоюдном исхождении Св. Духа принималось за общее учение Вселенской Церкви без малейшего подозрения о каком-нибудь разногласии. Так, на упомянутом Толедском соборе в исповедании веры короля Реккареда латинское учение об исхождении Св. Духа (Spiritus aequae sanctus confitendus a nobis et praedicandus est a Patre et a Filio procedere) прямо связано с заявлением о соблюдении вероучительных определений Вселенских соборов, между ними и собора Константинопольского: Amplector itaque et teneo fidem CL episcoporum Constantinopoli congregatorum, quae Macedonium, Spiritus Sancti substantiam minorantem, a Patris et Filii unitate et essentia segregantem, jugulo veritatis interemit). К этому исповеданию веры короля Реккареда приложены и самые догматические определения Вселенских соборов Никейского, Константинопольского и Халкидонского. Под титулом: Fides Sancta, quam exposuerunt CL patres Constantinopolitani Concilii, мы читаем наш Царьградский Символ с filioque и с упомянутыми двенадцатью другими разностями, но без малейшего указания на сознательное изменение этого догматического документа. В тех же деяниях в исповедании веры епископов, пресвитеров и начальников Готского племени рядом с утверждением filioque мы находим анафематства против всех уклоняющихся от общей церковной веры и не держащихся постановлений четырех Вселенских соборов. Так анафематизм одиннадцатый гласит: Quicumque aliam fidem et communionem catholicam praeterquam in Ecclesia universali (в других списках: praeter ecclesiasticam universalem) esse crediderit, illam

dicimus Ecclesiam, quae Nicaeni, Constantinopolitani, et primi Ephesini, et Chalcedonensis Concilii decreta tenet pariter et honorat, anathema sit (Всякий, кто бы признал, что есть другая вера и общение кафолическое, кроме как во Вселенской Церкви (иначе: кроме церковного вселенского), — говорим про ту Церковь, которая держит равно и почитает постановления Никейского, Константинопольского, первого Ефесского и Халкидонского собора, — тот да будет анафема). И далее анафематизм двадцатый направлен, в частности, против отвергающих Константинопольский собор: Qui fidem concilii Constantinopolitani CL episcoporum veram non dixerit, anathema sit*.

Таким образом, если filioque выражало собою заблуждение, то это заблуждение *не было принято испанскою Церковью с намерением противопоставить свое частное мнение вселенскому исповеданию*. Напротив, исповедуя filioque и читая Символ с этим словом, испанская Церковь была вполне уверена, что это именно и есть вселенское исповедание и настоящий Символ константинопольских отцов. Не должно забывать и того, что деяния Толедского собора, происходившего в последний год папы Пелагия II, были известны его преемнику, св. Григорию Двоеслову, и этим великим святителем одобрены**. А при всем этом к чему же сводится тот пресловутый «братоубийственный акт», в котором некоторые русские писатели обвиняли Западную — в частности испанскую, Церковь. Во всяком случае будем ждать, чтобы нам показали первоначальный и общеупотребительный (в испанской Церкви) точный латинский перевод Константинопольского символа, куда бы потом могло быть самочинно вставлено слово filioque.

Да что уж говорить о точном *переводе*, когда и самый греческий текст далеко не был столь определенным и установившимся, как это думают поборники его буквальной неприкосновенности. Так, при упомянутаго чтении Никейского и Константинопольского символов на Халкидонском соборе оба эти Символа в деяниях соборных представляют несколько более или менее значительных разностей против принятого ныне чтения. Скажут, что эти разности все-таки не изменяют смысла и не нарушают православной веры. Это справедливо, но именно поэтому и относительно filioque важно не то, что это слово прибавлено, а то, насколько оно изменяет смысл православной веры. А этот вопрос может быть решаем только по существу самую Вселенскую Церковь. Осуждение же католиков за filioque с точки зрения буквальной неприкосновенности Символа решительно несообразно с истинным положением дела. Какую важность может иметь

* См. деяния третьего Толедского собора у Mansi, t. IX. coll. 976–988.

** См. Gregorii M. opp. ed. Migne, t. III, coll. 496–997, 1056; см. также coll. 1327.

факт вставки, когда нельзя даже констатировать этого факта в виду неустановившегося текста? А эта неустановленность текста позволяла и в греческой Церкви даже до конца VIII века уклоняться довольно существенно от буквы Символа. На последнем Седьмом Вселенском соборе читалось между прочим исповедание веры, написанное присутствовавшим на том Соборе патриархом св. Тарасием, и здесь о Духе Св. говорится, как в нашем Константинопольском символе, но со вставкой в 6-м члене слов — *через Сына**.

Очевидно, св. Тарасий понимал халкидонские запрещения несравненно шире, нежели наши позднейшие богословы.

ГЛАВА VI

Ввиду всего этого, что бы мы ни думали о *filioque*, во всяком случае несомненно, что как выражаемое этим словом учение, так и обстоятельство нахождения этого слова в латинском символе *никакому суждению Вселенской Церкви не подвергались*. То же самое должно сказать и об усвоенном Католическою Церковью монархическом устройстве управления в связи с признанием за папами верховного учительного авторитета. Если бы католики этот авторитет противоплавали принятым нами Вселенским соборам и отвергали их постановления во имя папского авторитета, тогда они тем самым отлучали бы себя от Церкви, на тех соборах утвердившейся. Но так как они этого не делают, так как все догматические постановления семи Вселенских соборов ими усвоены и сохраняются неизменно (ибо и по католическому учению то, что раз принято Вселенскою Церковью как догматическая истина, никакой отмене не подлежит), то дальнейший спорный между нами вопрос о способе церковного управления и о вероучительном авторитете римского престола остается внутренним домашним церковным вопросом, относительно которого мы не вправе заранее утверждать *невозможность* соглашения.

Противники церковного соединения обвиняют католиков по данному вопросу в какой-то «ереси против Церкви». Всякая ересь предполагает соответствующий догмат, ею отрицаемый. В настоящем случае, чтобы признать католическое учение ересью, требуется бесспорный и вполне *определенный* догмат о свойстве и образе церковного управления и об органах вселенского учительства. Такого догмата, отрицаемого католиками, нам не укажут. Бесспорное догматическое значение для нас, православных, по данному вопросу имеет только то, что признается также и католиками, а именно — апостольская иерархия

* См. в третьем деянии Седьмого Вселенского собора у Mansi, t. XII, coll. 1122.

и Вселенский собор. А затем и в среде наших восточных богословов остаются по этому предмету спорными весьма существенные вопросы. Одни, например, полагают, что епископы управляют христианским обществом в силу своего святительского звания, по божественному праву («в нем же вас Дух Святы́й постави епископы пасти Церковь Господа и Бога, юже стяжа кровию Своею»), другие, напротив, думают, что это управление существенно зависит от народного избрания. Одни полагают, что на истинном Вселенском соборе епископы постановляют определения по тому же божественному праву и при особом содействии Духа Св.; другие же думают, что епископы на Вселенском соборе суть лишь уполномоченные церковного народа, дающие простое свидетельское показание о том, как верует народ в их епархиях. Хотя мы уверены, что эти взгляды по существу своему, при благожелательном и добросовестном рассуждении, могут быть примирены между собою, но сторонники их обыкновенно доходят в споре до непримиримых противоречий, воздерживаясь, однако, от взаимного обвинения в ереси. Ясно между тем, что вопрос о самом источнике епископской власти и авторитета имеет гораздо более общее и вместе с тем более глубокое значение, нежели вопрос о преимуществах римского епископа*.

Как бы то ни было, несомненно одно: что католическое учение о церковной власти — право оно или нет — во всяком случае не принадлежит к числу ересей, осужденных Вселенскою Церковью. Вот почему и высокочтимые иерархи русской Церкви не считали возможным (ни до, ни *после* Ватиканского собора) осуждать католичество как ересь. Если бы речь шла об арианстве и иконоборчестве, тогда, конечно, от православного писателя не потребовалось бы никаких особых исследований и размышлений для того, чтобы осудить эти учения как еретические и отвергнуть заранее всякую попытку соглашения с ними: для этого достаточно было бы просто сослаться на приговор Вселенских соборов, анафематствовавших эти лжеучения. С другой стороны, если бы дело шло о заблуждениях, заведомо

* По-видимому, наша полемика в «Известиях Славянского Общества» послужила поводом к напечатанию трактата о. А. Лебедева о разности между православными и папистами в учении о Церкви. Этот трактат в виде особой брошюры приложен к одному из последних номеров упомянутого журнала. Большая часть этого сочинения состоит в отрывочных выписках из нескольких католических катехизисов и богословских руководств, находившихся под руками у автора. Этим выпискам противопоставлены отрывки из русских вероучительных сочинений. Если б достопочтенный автор хотел удовлетворительно изложить католическое учение о Церкви, то он не мог бы обойти такого первостепенного по сему предмету документа как *Constitutio dogmatica de Ecclesia Christi* последнего Ватиканского собора. Не мог бы он обойти и классических сочинений латинских богословов, каковы: Möhler, Heinrich, Perrone.

отвергающих истину христианской религии, например о натуралистическом пантеизме, о материализме и т. п., то для осуждения их, конечно, не было бы надобности с православной точки зрения искать прямых постановлений Вселенских соборов, ибо последователи этих лжеучений сами себя сознают и утверждают чуждыми и враждебными Церкви Христовой. Католичество очевидно не относится ни к тому, ни к другому разряду. И когда дело идет о великой Церкви, издавна обнимавшей большую часть христианских народов, к ней же и ныне принадлежат двести миллионов христиан, — Церкви, обладающей апостольскою иерархией и действительными таинствами и множеством общих с нами священных и благодатных предметов, тогда для беспощадного осуждения ее необходимы бесспорные и ясные религиозные основания. На обвиняющих лежит здесь бремя более тяжелое, чем они думают. Мы же во всяком случае вместе с митрополитом Московским Филаретом считаем это дело неподсудным никакому решению и вместе с митрополитом Киевским Платоном смотрим на Западную и на Восточную Церкви как на двух родных сестер, впавших по несчастью в жестокую распрю, которая может и должна быть примирена, хотя это примирение именно вследствие близости спорящих сторон представляет особые *трудности*.

Мои почтенные возражатели никак не хотели заметить, что вопрос о том, составляет ли католичество ересь или нет, есть вопрос публичного церковного права, а отнюдь не частного мнения. Вследствие этого недоразумения наш спор должен был принять даже несколько странный вид. Я говорю: пусть мне укажут тот акт Вселенской Церкви, которым католичество осуждено как ересь. А мне на это отвечают: по таким-то и таким-то соображениям следует признать, что католичество составляет ересь против понятий о Церкви, содержимых известными русскими писателями славянофильской школы. При всем уважении к этим писателям, я все-таки за Вселенскую Церковь считать их не могу и понятия их о Церкви как вселенский догмат не принимаю.

Тем не менее спор этот был полезен и поучителен именно тем, что показал совершенную невозможность для противников церковного соединения стоять на строгой почве церковного права. Возражатели мои всячески старались выставить католичество как несомненную ересь. И однако они не могли представить того *единственного* доказательства, которое требовалось в данном случае, а именно — приговора Вселенской Церкви, *заранее* (или как говорится у латинян — *latâ sententiâ*) осуждающего и отлучающего католичество, не могли представить по той простой причине, что такого приговора вовсе не существует.

